

Научная статья

УДК 340.11

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41

Правовое створчество в научных воззрениях Г. Гурвича (философско-правовые аспекты)

Равия Фаритовна Степаненко^{1, 2},**Герман Николаевич Степаненко^{1, 3}**¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Российская Федерация² Университет управления «ТИСБИ», Казань, Российская
Федерация² *stepanenkorf@yandex.ru*, ³ *German.Stepanenko@kpfu.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются проблемы правового створчества публичной власти с институтами гражданского общества. Признавая определенную несогласованность общественных и государственных интересов при формулировании нормативных установлений, авторы обращаются к научным идеалам и воззрениям соотечественника, известного философа и социолога права Г. Гурвича. Правовое створчество как высшая форма коммуникации и сотрудничества законодательных органов власти с представителями гражданского общества исследовалось с античных времен философами, а позднее – социологами, отмечавшими необходимость совместной правотворческой деятельности. Одним из последовательных представителей данного научного направления стал Г. Гурвич, различавший «социальное» и «государственное» право, но настаивающий на их тесном взаимодействии. Подчеркивая «чистоту и независимость» социального права, одним из его источников автор называет «признание права», не всегда учитываемое «субординирующими государственным» нормотворчеством.

Теоретические основы. Методы. Используя критический метод, Г. Гурвич ставит проблему отнесения судебных органов к государственным, но не как к учреждениям национального сообщества. Отмечая необходимость взаимодействия и сотрудничества в правотворческой сфере, Г. Гурвич акцентирует внимание на целесообразности синтетических научных изысканий по данной проблематике, сочетающих в себе догматические, философско- и социолого-правовые методологические подходы, приложимые к изучению правового створчества. Соответственно, проблема правового створчества носит междисциплинарный научный характер, и ее изучение предполагает, помимо использования юридико-догматического, философско- и социолого-правового подходов, применение широкого спектра методов социально-гуманитарного научного комплекса.

Результаты исследования. В ходе изучения проблематики правового створчества публичной власти с институтами гражданского общества внимание авто-

ров привлек не только правотворческий процесс законодательной ветви власти, но и судебское нормотворчество. Ключевым вопросом последнего, с точки зрения философии права Г. Гурвича, является проблема участия граждан в создании непротиворечивых и справедливых для личности, общества и государства правил поведения. Категории «общение», «коммуникация», «сотрудничество» – в целостности взаимодействий государства, гражданского общества и индивида – образуют ту социальную «тотальность», которая делает «право общепризнанным». Признание права как «выражение данной тотальности» – это «постулированный нравственный принцип», «правовая реалия», не учитывать которую в процессе правотворчества было бы опрометчивым. Критика юридической доктрины, осуществляемая Гурвичем в анализируемой работе, приводит автора к выводам о праве как способе управления социальным механизмом, основанном на «человеколюбии и гуманизме», о чем умалчивает юридический позитивизм. Философия и социология права в этом смысле наиболее полно и глубоко научно обосновывают и теоретически аргументируют смыслообразовательные сущности современных правотворческих инициатив и всего законодательного процесса.

Обсуждение и заключение. Догма права как процесс систематизации и интерпретации позитивистских стратегий и тенденций не занимается в полной мере поиском смыслов, целеполагания, принципов и критериев сбалансированности правовых интересов личности, общества и государства. Именно теоретические правовые науки (философия и социология права) постигают сущность совместного, сотрудничающего и коммуникативного процесса правотворчества. Ценность этой совместной деятельности носит не только метафизический, но и духовно-нравственный характер и способствует повышению авторитета законодательной деятельности и законодательствующих субъектов, позволяет цивилизованно развиваться любому государственному устройству.

Ключевые слова: философия права, социология права, догма права, правовое сотворчество, общественный интерес, признание права

Для цитирования: Степаненко Р. Ф., Степаненко Г. Н. Правовое сотворчество в научных воззрениях Г. Гурвича (философско-правовые аспекты) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 3. С. 29–41. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41.

Original article

Legal Co-creation in the Scientific Views of G. Gurvich (Philosophical and Legal Aspects)

Raviya F. Stepanenko^{1, 2}, German N. Stepanenko^{1, 3}

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

² University of Management "TISBI", Kazan, Russian Federation

² stepanenkorf@yandex.ru, ³ German.Stepanenko@kpfu.ru

Abstract

Introduction. The article examines the problems of legal co-creation of public authorities with civil society institutions. Recognizing a certain inconsistency of public and state interests in the formulation of normative provisions, the author turns to the sci-

tific ideals and views of his compatriot, the famous philosopher and sociologist of law G. Gurvich. Legal co-creation, as the highest form of communication and cooperation of legislative authorities with representatives of civil society, has been studied since ancient times by philosophers and, later, sociologists, who noted the need for joint law-making activities. One of the ardent representatives of this scientific direction was G. Gurvich, who distinguished between "social" and "state" law, but insisted on their close interaction. Emphasizing the "purity and independence" of social law, the author calls "recognition of law" one of its sources, which is not always taken into account by "subordinating state" rule-making.

Theoretical Basis. Methods. Using the critical method, G. Gurvich poses the problem of classifying judicial bodies as state bodies, but not as institutions of the national community. Noting the need for interaction and cooperation in the law-making sphere, G. Gurvich focuses on the expediency of synthetic scientific research on this issue, combining dogmatic, philosophical and sociological-legal methodological approaches applicable to the study of legal co-creation. Accordingly, the problem of legal co-creation is of an interdisciplinary scientific nature and its study presupposes, in addition to the use of legal-dogmatic, philosophical and sociological-legal approaches, the use of a wide range of methods of the social and humanitarian scientific complex.

Results. In the course of studying the problems of legal co-creation of public authorities with civil society institutions, the authors focus not only on the law-making process of the legislative branch of government, but also on judicial rule-making. The key issue of attributing the latter, from the point of view of G. Gurvich's philosophy of law, is the formulation of the problem of an individual's participation in the creation of rules of conduct that are consistent and fair for an individual, society and the state. The categories of "communication", "interaction", "cooperation" – in the integrity of interactions between the state, civil society and an individual, form the social "totality" that makes "law generally recognized". Recognition of law – as an "expression of this totality" – is a "postulated moral principle", "legal reality", which it would be rash not to take into account in the process of law-making. Criticism of legal dogma, carried out by Gurvich in the work under consideration, leads the author to conclusions about law as a way of managing a social mechanism based on "philanthropy and humanism", which legal positivism is silent about. Philosophy and sociology of law, in this sense, most fully and deeply scientifically substantiate and theoretically argue the meaning-forming essence of law-making initiatives and the entire legislative process.

Discussion and Conclusion. The dogma of law as a process of, basically, systematization and interpretation of positivistic strategies and tendencies, does not search for meanings, goal-setting, principles and criteria of balance of legal interests of the individual, society and the state. It is the theoretical legal sciences (philosophy and sociology of law) that comprehend the essence of the joint, cooperative process of law-making. The value of this joint activity is not only metaphysical, but, above all, spiritual and moral in nature and contributes to the increase of authority to legislative activity and legislative subjects, allowing any state system to develop in a civilized manner.

Keywords: philosophy of law, sociology of law, dogma of law, legal co-creation, public interest, recognition of law

For citation: Stepanenko, R. F., Stepanenko, G. N. Legal co-creation in the scientific views of G. Gurvich (philosophical and legal aspects). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(3):29-41. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.29-41.

Введение

Современное состояние миропорядка вызывает тревогу научного и практикующего юридического сообщества, по сути осмысляющего актуальность разбалансированности со-бытия в едином правовом пространстве государственных законодательствующих институтов с позициями гражданского общества. Некоторое снижение авторитетности паттернов нормативности в социальном континууме свидетельствует о нивелировании либо уменьшении роли и значения гражданских инициатив в правотворческом процессе, конституционно признаваемом совместным в силу его правовой природы, призванной выражать общность интересов и государства, и социальных групп, и личности. Несоблюдение баланса интересов публичной власти и общества в правотворчестве создает неблагоприятные условия для развития государственности, которые выражаются в недоверии и снижении авторитета законодательствующих институций.

Так, по данным ВЦИОМ за 2024 – начало 2025 г. уровень доверия населения к законодательным органам власти составляет около 47%, тогда как степень доверия к деятельности правоприменительных органов возросла с 56% в 2024 г. до 69% в 2025 г.¹

В этом смысле статистика свидетельствует об определенных недостатках функционирования правотворческого процесса с точки зрения соблюдения баланса интересов всех участников правовых отношений.

Очевидно, что консенсуальность правовых посылов (дозволений, запретов, обязанностей, поощрений и др.) не в полной мере достигается посредством снятия полилогизма большинства участников общественных отношений. Компромисс интересов должен гарантированно признаваться государством в качестве основы социального порядка. Соответственно, базисом желаемого согласия в обществе может в идеале стать правовое соз创чество, выражаемое через консенсуальность издаваемых и реализуемых на практике нормативных установлений.

Как отмечают А. В. Малько, В. В. Трофимов и В. Ю. Самородов, «...правовое соз创чество – это высшая форма сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правовые акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума» [1, с. 50].

Теоретические основы. Методы

Концептуализация теоретических идей социального согласия аккумулируется прежде всего в философских, социологических трудах, начиная с ра-

¹ Деятельность общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Новости : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/> (дата обращения: 30.04.2025).

бот Аристотеля, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ш. Монтескье и позднее – представителей философии и социологии права (Э. Дюркгейм, Л. Дюги, М. Ориу, М. Вебер, Е. Эрлих, О. Холмс, Р. Паунд, Б. Каудозо, Г. Гурвич и др.). Обратим в связи с темой внимание на научное творчество Г. Гурвича (1894–1965), являющегося российско-французским философом и социологом права.

Для понимания идей и взглядов ученых методологически важным, на наш взгляд, является использование портретно-биографического метода, позволяющего проследить эволюцию их взглядов. Творческий путь нашего соотечественника Г. Гурвича в кратком извлечении из предисловия М. В. Антонова к работе «Философия и социология права: Избранные сочинения» [2] дает нам представление о поисках возможностей сочетания интересов «государственного» и «социального права» на перспективу, которым Г. Гурвич уделял значительное внимание в своих трудах.

Георгий Давидович Гурвич родился в 1894 г. в Новороссийске, получил образование в гимназиях в Ростове-на-Дону и Риге, обучался в Петроградском университете на юридическом факультете. После окончания Университета он работал в должности приват-доцента кафедры философии права. В постреволюционный период в 1920 г. Г. Гурвич эмигрировал в Прагу, где трудился на юридическом факультете Русского института совместно с П. И. Новгородским, Н. Н. Алексеевым, Б. П. Вышеслацким и др. Размышления о судьбе России и правовом укладе нового «пролетарского права» сподвигли Г. Гурвича на обоснование авторской теории социологии права, в которой не только индивид, но и группа индивидов – как «микрокосм общества» на глубинном уровне их социальных взаимодействий – становятся участниками рождения и дальнейшего развития социального права, находящегося в зависимости от государства и формируемых им юридических конструкций, а также являющегося относительно самостоятельным феноменом в силу ряда объясняемых автором гипотез и предположений.

В 1925 году Г. Гурвич переезжает в Германию, одновременно читая лекции во Франции, где в 1932 г. защищает докторскую диссертацию «Идея социального права». Социально-философские и философско-правовые взгляды Гурвича представляют собой синтез субъективного идеализма (И. Фихте), феноменологии (Э. Гуссерль), исторического материализма (К. Маркс), витализма (А. Бергсон), психологизма (Л. И. Петражицкий) и др., что в целом создает довольно целостную методологическую основу его авторского видения образа права в социальной реальности.

Социология и методология Г. Гурвича формируются под влиянием «гиперэмпирической диалектики» (гиперэмпирический реализм), где общество и личность неразделимы, а социальная интеграция и социальное со-творчество с государственным нормотворчеством предлагается изучать на эмпирическом уровне абсолютной ценности.

Следует пояснить, что философская интерпретация термина «состворчество» в раздельном написании нами с грамматической приставкой «со» не случайна. Философское отражение в текстах категорий «со-бытие» «со-твор-

чество» и др. направляет исследователя в контекст онтологических переплетений взаимосвязей социального и индивидуального, в ретро- и пропрекции объяснений. Всевозможные формы человеческого познания, в том числе через особенности предметности философии, дают наиболее полное, как видится, осознание «субъект-субъектного» методологического подхода. Последний ставит в равное, согласованное положение носителей правотворческих функций – государство, гражданское общество и личность – как обладателей равных возможностей в процессуальности нормотворчества. Поскольку в сферу современного социально-гуманитарного познания непременно должен быть включен Человек («Человек – центр методологии», по Л. Фейербаху), то от его присутствия и со-участия в правотворчестве, пусть как представителя гражданского со-общества, отказаться не представляется возможным. Собственно и само правотворчество, включающее в себя «отображение коллективного», суть объединение множества акторов – субъектов, а не презентация модели «субъект правотворчества» (законодательные органы власти) и «объект воздействия» (хотя императивный метод правового регулирования это и постулирует). Здесь речь идет не о целеполагании правоприменения, а о самом правотворчестве, участие в котором и смыслы которого апеллируют к коллективному разуму, в том числе правосознанию и правовой культуре «созидателей» законов, которые корреспондируют в зоны интересы и потребности государства, всего общества и каждого человека.

Правоприменитель лишь исполняет то, что ему предписано в соответствии с реализацией принципа законности. Как отмечает В. Н. Корнев, анализируя постулаты кантианства, «юрист-законник ищет законы, гарантирующие мое и твое (когда он действует – как надлежит – в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном властями своде законов... В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепый» [3, с. 15]. И, как следует из цитируемого высказывания, именно «повелевания власти» есть право, а его аутентичность с интересами личности и общества можно назвать, к сожалению, второстепенным, факультативным вопросом.

Вместе с тем «предметом научного анализа при изучении общества является не “кодекс” законов или закономерности общественной жизни... не идеальные ценности, не откровение, а каждая конкретно взятая социальная целостность в процессе ее развития и соответствующие социальные факты...» [2, с. 17], – отмечает Г. Гурвич. Данная познавательная модель позволяет автору «...создать грандиозную сложно структурированную концепцию общества как динамичное, постоянно изменяющееся единство исторической, культурной, правовой, психологической и иных видов действительности» [2, с. 21]. «Используя категорию “тотальность”, Гурвич говорит о единстве общества и индивида, “единого” и “многого” в социальной жизни как о духовной, творческой целостности» [2, с. 22], где согласованность и порядок общественной жизни исходят из психологического един-

ства. Формы социабельности (способ связывания с Целым и посредством самого Целого) при наибольшем их взаимовлиянии образуют *единство «Мы» – народа, нации, государства*. Здесь ключевыми являются понятия «общение», «коммуникация», «сотрудничество», которые, в том числе, ведут к эволюции правотворчества. Последнее создается совместно, в целостности взаимосвязей государства, гражданского общества, личности.

Безусловно, краткие извлечения из биографического очерка М. В. Антонова не могут дать полного представления о фундаментальном научном творчестве Г. Гурвича в сфере обоснования и аргументации выстраиваемого автором «социального права», тем более в различии его и «государственного права». В то же самое время многообразие идей Г. Гурвича о ценностной, духовно-нравственной, психологической и особенно коммуникативной обусловленности социального права в диапазонах нашего предмета исследования (правового створчества как магистрального направления понимания важности со-участия и со-бытия социума и государства в правотворческом процессе) придает самому праву характер и смыслы общепризнанного и всенародного феномена. Последнее не архаизм, не идеологический концепт или популистский лозунг: это единственно верный путь к уважению и признанию законотворческой деятельности, олицетворяющей право со Справедливостью и Правдой.

Результаты исследования

Именно категория «признание» в научных изысканиях Г. Гурвича как понимаемый автором источник права привлекла наше внимание наряду с иными понятийно-категориальными конструкциями, объясняющими смысл социального права. «Чистое и независимое, неорганизованное социальное право», основанное на девяти формальных источниках: «...1) обычай (общий и частный); 2) соглашение (нормативный договор); 3) автономный статут; 4) практика негосударственных судебных органов; 5) практика внеш судебных органов; 6) доктрина; 7) прецедент; 8) социальная декларация; 9) признание» [2, с. 173], напрямую конкурирует с законодательством государства, поясняет автор.

Признание права не следует отождествлять с видами естественного права, скорее, это постулированный нравственный принцип позитивного права, один из «...важных секторов позитивного права («формального» или «интуитивного»), рассматриваемых как существующая в действительности правовая реалия» [2, с. 182], и в целом – «социальное право» как «право интеграции» [2, с. 186] в процессе реализации правовых ценностей, одной из которых является феномен признания права человеческим сообществом.

Однако «...государство является единственным «нормативным фактом» в силу своей мнимой способности эксклюзивно представлять всеобщий интерес...» [2, с. 174], – подчеркивает Г. Гурвич. «...Государство не может: 1) быть поставлено над правом (империалистская теория); 2) не может быть отождествлено с правом (Кельзен); 3) не расценивается как независимый от права элемент (Гирке); 4) не рассматривается в качестве внешнего по

отношению к праву элемента; 5) наконец, не понимается как «частично пересекающееся» с правом явление, поскольку даже автократическое государство основано на праве» [2, с. 175–176].

Государственное право, «право субординирующее» и чистое, независимое социальное право, конечно, пересекаются, но «расходятся» зачастую как раз таки в силу несовпадения интересов и потребностей государства, общества и личности, а стало быть, и в связи с нивелированием процедур со-творчества. Интересными представляются размышления Г. Гурвича о прецедентном праве и нормотворческой деятельности судебных органов с точки зрения их соотносимости с представлением интересов общества или государства, не всегда учитывающих и то и другое.

Анализируя идеи и воззрения научной школы юридического позитивизма в ангlosаксонской правовой системе, Г. Гурвич подробно исследует аналитическую юриспруденцию, в частности, американских ученых, утверждавших, что право зависит в большей степени от судебной практики, чем от волеизъявления государства (Р. Паунд). Суть этой модели изменяется в зависимости от признания прецедентного права, обычного или статутного, или же преобладания «свободных судебных решений» (О. Холмс), а также доминирования в судебной деятельности социальных кодексов (правил), возникающих непосредственно из социальной реальности (Р. Макивер, Б. Кардозо). Но ключевым вопросом в рассуждениях Г. Гурвича становится презентация следующей проблемы: «...рассматриваются ли суды как государственные органы или же как учреждения “национального сообщества”, а более точно – глобального спонтанного сообщества, являющегося основой как для государства, так и для других групп» [2, с. 570] (курсив наш. – Р. С., Г. С.). Соответственно, нормотворчество судей как акт индивидуального волеизъявления государственного служащего становится, по мнению Г. Гурвича, в один категориальный ряд с государством.

Аналогично и в логическом нормативизме, далее рассуждает Г. Гурвич, право – не что иное, как «чистая норма», изучаемая при помощи только формального и нормативного методов изучения, тогда как «...любой другой метод оказывается разрушительным для самого объекта исследования» [2, с. 570]. Это, соответственно, возводит основную норму на пьедестал квинтэссенции, подменяя между тем сакральную сущность государства и отдаляя от нее основную норму, а также их вместе – от их социальной обусловленности общественных интересов.

Контраргументы Г. Гурвича аналитической юриспруденции, юридическому позитивизму и логическому нормативизму убедительны. «Наивный догматизм» и «бесплодие» подобных рассуждений, пишет Г. Гурвич, «...находятся в порочном круге... с одной стороны, государство предполагает право, единственным источником которого оно и является, а с другой стороны, государство является одним из секторов той социальной жизни, над которой оно призвано возвышаться» [2, с. 571]. Реальное и непосредственное действующее, «гибкое» и динамично развивающееся право неотделимо от своей социальной сущности, оно «...в определенной степени всегда

находится в борьбе против существующих кодексов... право есть способ управления сложным социальным механизмом (М. Радин)» [2, с. 573], но в духовно-нравственном смысле «человеколюбие», гуманизм и милосердие более относятся к социальному, нежели государственному праву, считает Гурвич.

Методологический упрек Г. Гурвича относительно научных исследований доктрины права как «искусства», предназначенного для практического целеполагания, понятен. «Правоведы имеют врожденную склонность к догматизму и консерватизму, к отождествлению относительных приемов юридической техники с вечной идеей, Логосом права... Гипертрофия понятийного аппарата... приводит к “мумификации” категорий и понятий, следствием чего становится замедленность и немалые трудности в приспособлении юриспруденции... к новой живой правовой действительности...» [2, с. 575], и только «...социология права, с одной стороны, и философия права – с другой, есть две теоретические дисциплины, которые должны составлять основание юриспруденции...» [2, с. 574]. Именно эти дисциплины могут быть «по-настоящему» теоретическими, уверяет Г. Гурвич. В то же время справедливым будет отметить недостаточное внимание научного юридического сообщества к проблемам целеполагания в связи с отсутствием целеполагания в праве (материальном и процессуальном).

Как подчеркивает Э. Е. Исаев, «абсолютное большинство действующих российских кодифицированных актов (18 из 20) имеют пробелы в части определения целей и задач юридического процесса, что не соответствует требованиям юридической техники к конструированию нормативно-правового акта, его терминологической и логической строгости, четкости и ясности формулировок» [4, с. 10]. Думается, такое положение не может считаться удовлетворительным ни для сферы исследования теоретического правоведения, ни для доктрины права. В полной мере это следует адресовать и к деятельности правоприменителей, которая не должна осуществляться без опоры на ясно и понятно сформулированные в законе цели.

Обсуждение и заключение

Доктрина права, будучи экзегезой (систематизацией и интерпретацией) позитивного права, не утруждает себя поиском критериев, принципов, смыслов и целей права, тем более аргументацией важности и целесообразности признания и одобрения законодательных посыпок. Это, по Г. Гурвичу, удел теоретических дисциплин – философии и социологии права. Проблематичность со-трудничества этих трех дисциплин – предмет известного соперничества за доминирование в правоведении, по мнению многих ученых-юристов. Между тем право как «верование» (Э. Леви), как результат коллективного труда солидаризированного гражданского общества с идеологическим контентом государственных велений, содержащихся в норме, через «признание», «осознание» и «принятие», по существу есть особая правовая реальность, которая атимпоральна и морально-нравственно неизменчива. Априорная ценность «признания права» символична, реализуема

только в процессе со-творчества, место которого в иерархической структуре источников права должно устойчиво приоритизироваться. Для этого процедуры представительства гражданского общества в правотворческом процессе, прежде всего в части предложения и выдвижения законодательных инициатив, обсуждений законопроектов, проведений референдумов и др., должны масштабироваться с учетом их целесообразности и исключительной важности феномена правового со-творчества. Предопределение «признание права» заключается в архитектонике, в том числе тех моделей поведения граждан, которые выстраиваются с осознанием и принятием на себя той социально-правовой ответственности, которая постижима при со-участии тем или иным образом в правотворчестве. Непризнание этой идеи может негативно отразиться на состоянии общих взаимодействий гражданского общества и государства, культуре и цивилизационном развитии государственности.

Философия и социология права Г. Гурвича, косвенно затрагивая проблемы социального психологизма, бихевиоризма и т. д., проявляют неподдельный интерес к социально-правовой действительности, сопровождающей практическую деятельность, витальную, ментальную и духовные сферы жизни человека. Именно духовно-нравственными, ценностными основаниями правотворчества, как отмечено, Гурвич определяет «признание права» в сотворчестве государственных и гражданских институций, разворачивая данную проблематику в континуум междисциплинарности.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что проблема правового сотворчества, безусловно, выходит за пределы сугубо научного интереса юриспруденции. Постижение сущности искомой объектно-предметной сферы «...предполагает познание генезиса онтологического и аксиологического компонентов права в системе ценностных координат философии права... Для познания природы и сущности права необходимо “выйти за пределы” формально-правовых категорий в область метафизики» [5, с. 301].

Современные правовые научные исследования в поисках философских объяснений исключительной важности совместности творчества (сотворчества), коммуницирования в государственно-правовом диапазоне общественных отношений обращены к экзистенциологии права. По сути, непризнание правовых установлений, отчуждение, недопонимание и неприятие отдельных правил поведения, создаваемых вне взаимосвязанности с единичными и коллективными носителями правосознания, приводят к негативным, как уже отмечалось, последствиям. Индивидуальное правосознание, не репрезентирующее себя с онтологическим, духовно-нравственным, метафизическим содержанием правового универсума, находится в состоянии сомнения и недоверия, неопределенности и «пограничья» с символическим Целым правообразования и правотворчества. Правовая маргинальность чаще всего инициирует индифферентность и отрицание ценностных аспектов «несогласованного правотворчества» с личностными правовыми убеждениями. Будучи вне со-участия и со-бытия с процессами со-творчества в так называемом родовом нормоустановлении, человек ста-

новится «свободным» от ответственности в силу непонимания и непризнания ее целеполагания и ценностей.

Интересными представляются рассуждения П. П. Ланга в монографическом исследовании «Экзистенция правосудия» (М., 2025), под которой понимается «...свойство, вследствие которого правосудие становится одним из механизмов экзистенциальной коммуникации, получает право делать вывод в отношении как конкретного индивида, так и глобальных проблем межличностного взаимодействия в пределах конкретного общества» [6, с. 6]. П. П. Ланг, следя концепту К. Ясперса «о соединении разума и экзистенции в высшей форме коммуникаций» (какой представляется со-творчество. – Р. С., Г. С.), придает ценностные паттерны деятельности судьи, участвующего в аксиологической трансформации «суда из инструмента судебной власти в гарантую общественной стабильности» [6, с. 7]. Глубокий анализ автором исторических причин коллегиального правосудия «как концептуальной формы» правотворчества соединяет целевую результативность коммуницирования законодательных, судебских органов власти с личностью и гражданским обществом как равноценных субъектов «признания права».

Таким образом, правовое со-творчество можно трактовать как междисциплинарную сферу социогуманитарных исследований, объясняющих интегральную, коммуникативную сущность процессов правотворчества в синергии признания их таковыми личностью, обществом, законодательной и судебной властью, вариативность ценностей которой надлежит доктринально изучать для управления динамично проистекающими процессами изменения общественных отношений, регулируемых правом.

Список источников

1. Малько А. В., Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое сотворчество публичной власти и общества как совместная деятельность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 43–53. DOI: 10.36511/2078-5356-2024-3-43-53.
2. Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та : Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
3. Корнев В. Н. Кантианские максимы в теории права // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.
4. Исаев Э. Е. Цели и ценности правовой процессуальной политики России : автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань, 2025. 24 с.
5. Фролова Е. А. Наука о праве как наука о культуре // Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме в интересах устой-

чивого развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 70-летию вхождения СССР (России) в ЮНЕСКО, Казань, 27–29 марта 2024 г. Казань : Ун-т управления «ТИСБИ», 2024. С. 299–303.

6. Ланг П. П. Экзистенция правосудия : моногр. М. : Проспект, 2025. 128 с.

References

1. Mal'ko, A. V., Trofimov, V. V., Samorodov, V. Yu. Legal co-creation of public authorities and society how to collaborate activities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(3):43-53. (In Russ.) DOI: 10.36511/2078-5356-2024-3-43-53.
2. Gurvich, G. D. *[Philosophy and sociology of law]*. Selected works. Transl. by M. V. Antonov, L. V. Voronina. St. Petersburg: Publishing House of State University; Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University; 2004. 848 p. (In Russ.)
3. Kornev, V. N. Kantian maxims in the theory of law. *Pravosudie/Justice*. 2024;6(3):8-17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.8-17.
4. Isaev, E. E. *[Goals and values of the legal procedural policy of Russia]*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan, 2025; 24 p. (In Russ.)
5. Frolova, E. A. [Science of law as a science of culture]. *[Transition from the educational environment to the educational ecosystem in the interests of sustainable development]*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 70th anniversary of the USSR (Russia) joining UNESCO, Kazan, 27–29 March 2024. Kazan: University of Management “TISBI”; 2024. Pp. 299–303. (In Russ.)
6. Lang, P. P. *[Existence of justice]*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2025. 128 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Степаненко Равия Фаритовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18); профессор кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ» (Российская Федерация, 420012, Казань, ул. Муштари, д. 13).

Raviya F. Stepanenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Theory and History of State and Law Department, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation); Professor at the Theory and History of State and Law Department, University of Management “TISBI” (13 Mushtari St., Kazan, 420012, Russian Federation).

Степаненко Герман Николаевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета (Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18).

German N. Stepanenko, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor at the Social Philosophy Department, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принятая к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 24.06.2025.